

Никому не скажем

Автор:

Юлия Резник

Никому не скажем

Юлия Резник

Я не любил ее, я ею болел. Тяжело и неизлечимо. Думал, исцелился. Похоронил любовь к этой стерве, которая однажды выбрала не меня... Но стоило увидеть ее годы спустя, и чувства вернулись ко мне с новой силой. Теперь она – вдова моего отца. А я... я не знаю, чего хочу больше – сделать ее, наконец, своей или наказать за предательство.

Юлия Резник

Никому не скажем

Глава 1

Кит. Настоящее.

Чего я не ожидал, так это того, что она будет плакать. Хотя, наверное, слезы на похоронах мужа – вещь вполне предсказуемая. Не знаю. До этого я никого не хоронил. Разве что свою любовь к этой стерве. Но ведь это совсем другое, не правда ли?

Морщусь. Гребаные воспоминания. Они даже десять лет спустя горчат во рту теплой водкой, которой я заливался, когда понял, кто её трахает, в то время как

я сам сдыхаю от тоски по ней, находясь за тысячи километров.

Осторожно, стараясь не поскользнуться, переступаю по скользкой, размытой растаявшим снегом земле. Достая сигареты, чиркаю зажигалкой и, заслонив ладонью дрожащий язычок пламени, заставляю себя сосредоточиться на происходящем. Немногочисленный поток людей редет. Припаркованные траурно-черные машины отъезжают одна за другой. Да их и не так уж много. Крысы всегда бегут с тонущего корабля. И когда против моего старика выдвинули обвинения, куда только делись его друзья. Удивляет то, что эта осталась...

Затягиваюсь так, что легкие начинают гореть, а измочаленный фильтр обжигает пальцы. Поднимаю взгляд к серому небу, ловлю ртом лохматые снежинки, которые тают, едва касаясь земли. Упускаю, в какой момент на кладбище остаемся только мы с Евой да стайка жирных ворон, сидящих на голых озябших ветках.

Я не собирался подходить к ней сейчас. Это скорее порыв. Отбрасываю окурок и неторопливо иду к могиле. А что? Я как никто другой имею право быть здесь. Ева оборачивается на звук моих шагов, и на какую-то долю секунды мы оба замираем. Меня будто бьют в живот. Лишь несколько рваных вдохов помогают вернуть привычное самообладание. Насколько это вообще возможно в ее присутствии.

– Чудесная погода, мамочка, – кривлю губы в улыбке я, а Ева... Ева вздрагивает. Зябко ведет плечами, стряхивает хрустальные слезы со щек и отворачивается, прячась под капюшоном тонкого черного плаща, в котором ей наверняка холодно.

– Давай хоть сегодня обойдемся без сцен.

У нее хриплый, чувственный голос. А я совсем забыл о том, как он на меня действует. Трясу головой, злюсь на самого себя, хотя уже, наверное, пора бы смириться с тем, чему я по какой-то глупой ошибке не в силах противостоять. Моя одержимость Евой неизменна, как пятничные пробки на выезде из города. Я не знаю, чего хочу больше. Трахать ее, пока она криками не сорвет свое горло, или посильней сжать на нем свою руку.

Невольно хмурюсь и подхожу к самому краю. Из-под ноги вырываются комья грязи и с громким стуком ударяются, падая на крышку гроба. Взгляд упирается в портрет отца, перевязанный черной лентой. Сжимаю челюсти. У нас с ним были сложные отношения еще до того, как его окрутила Ева. Но я всегда любил отца. Я, мать его, любил своего старика.

– Мне сказали, ты приезжал попрощаться.

Голос Евы изысканной лаской скользит по моей коже, проникает в поры и вместе с кровью, отхлынувшей от головы, устремляется точно на юг. Член напрягается, натягивает мои брюки. Наверное, для этого нет более неуместного случая, но что... что я могу поделать со своими грёбаными рефлексам? Ничего. Сколько ни пытался. Будь оно все проклято.

– Кто-то же должен был это сделать.

Равнодушие в голосе дается мне нелегко. Фактически на это уходят последние силы. Я бросаю в могилу две бордовых розы, из сваленных в кучу, и отступаю.

– Я была у него. Но потом пришлось вернуться домой, потому, – она осекается и заканчивает нелепым: – потому что.

– Ну, да. Это, конечно, все объясняет.

– Перестань! Хотя бы здесь не надо...

Голос Евы едва слышен. В нем нет злости, нет страха. Лишь тупая усталость.

– Ты права. Поехали!

Обхватываю пальцами ее руку и тяну за собой. Она не вырывается скорее из нежелания устраивать сцены, чем по какой-то другой причине. В отличие от меня, отец бы мог ей гордиться. Эта мысль подогрела мою ярость, и, не справляясь с эмоциями, я, сам того не замечая, сжимаю её кисть сильнее.

– Куда ты меня тащишь?

– В машину.

– Я приехала на своей. На ней и уеду. – Ева рывком освобождает свою ладонь от моего захвата и отступает на шаг. Мы замираем посреди подъездной дорожки, как два дуэлянта. В какой-то момент с её головы сползает капюшон. Налетевший ветер тут же подхватывает густые пряди волос и бросает мне в лицо. Я захлебываюсь её ароматом и отшатываюсь в сторону.

– Нам нужно поговорить, – стою на своем.

– А после поминок это сделать нельзя? Завтра или через неделю?

Наверное, можно. Но терпение – не мой конек. Мои демоны требуют сатисфакции. И сегодня они получают её.

– Я заеду в шесть. Будь готова, – бросаю упрямо и, открыв дверь машины, скрываюсь в тепле салона.

До шести еще целых четыре часа. Я коротаю это время в бесцельной езде по городу. Но не выдерживаю ближе к пяти. Еду по знакомому до боли адресу. Я здесь не был... сколько? Лет десять, наверное. С тех самых пор, как уехал в Сандхерст. Или... нет, однажды я все же сюда возвращался.

Паркуюсь, глушу мотор и, откинувшись затылком на подголовник, в который раз повторяю про себя, зачем я здесь. В доме, где прошло мое детство. В доме, где с моим отцом жила та, кого я любил больше жизни. Выдыхаю и выхожу из машины. Раньше здесь была охрана, но с тех пор, как практически на все имущество отца был наложен арест, необходимость в ней отпала. Открываю калитку, прохожу между клумб, сейчас заваленных рыхлым почерневшим снегом, поднимаюсь на крыльцо и замираю в нерешительности. Из приоткрытого окна доносятся звуки бойни. Я сглатываю, понимая, что это может быть, и зачем-то толкаю дверь. К удивлению – не заперто, и я захожу, убеждая себя, что имею на это полное право. Дом заложен. И я выкупил у банка право требования долга еще пару недель назад.

Оглядываюсь. За последние десять лет здесь ничего толком не поменялось. Хотя я ожидал... А бог его знает, чего. Чего-нибудь от неё... возможно. Снимаю ботинки, прохожу дальше. Останавливаюсь напротив приоткрытой двери в

гостиную, не в силах отвести взгляд от... мальчика. Если бы я не помнил, какой сейчас год – подумал бы, что вижу себя образца нулевых. Я знал, что у отца с Евой есть сын. Но то, как он похож на меня – гребаный сюрприз, к которому, как выяснилось, я совершенно не готов. Меня ведет. Взмахиваю рукой, в попытке за что-нибудь ухватиться, и сбиваю с высокого столика вазу. К счастью, та падает не разбившись. Мальчик... я знаю, что его зовут Женя, ставит игру на паузу и резко вскакивает.

– Вы кто такой?

Сглатываю и поднимаю вверх руки. Будто сдаюсь.

– Я – Кит. Может быть, отец тебе обо мне рассказывал.

На смуглом лице мальчишки мелькает недоверие. Он колеблется несколько мучительно долгих секунд, но потом кивает, отбрасывает в сторону джойстик и протягивает мне руку.

– Отец погиб.

– Я знаю. Поэтому и приехал.

Ложь. Я здесь совсем по другой причине. Но этому парню вряд ли стоит об этом знать.

– Выпьешь чего-нибудь? – по-взрослому интересуется Женя и кивает в сторону бара. О да. Мне становится весело. Не знаю, почему. И да, я бы выпил. Но, черт его все дерит, не за рулем. Может быть, потом, когда все останется позади я, и надерусь до зеленых соплей. Вероятно...

– Если только кофе.

– Пойдем. Кухня там, но ты, наверное, знаешь. Отец рассказывал, что когда-то ты жил в моей комнате.

Удивляюсь, что старик говорил обо мне с этим парнем. Растираю шею и иду следом за ним.

– Да, было дело. Довольно давно.

Проходим в кухню. И в ней я, наконец, замечаю женскую руку, которая прослеживается в веселых занавесках на окне, многочисленных комнатных растениях и всяких сковородках-сотейниках, развешанных на крючках, вбитых прямо в кирпичную стену. Насколько я помню, раньше вся посуда у нас хранилась в шкафах. А кухонного островка по центру не было вовсе. Оглядываюсь еще раз и усаживаюсь на высокий табурет, наблюдая за хозяйничающим... братом.

– Я так понимаю, твоя мать еще не вернулась?

– Не-а. Но скоро подтянется.

Кофемашина шипит, Женька садится рядом со мной и подпирает кулаком щеку. Сколько ему сейчас? Лет девать? Я не слишком в этом разбираюсь, но, кажется, он довольно высок для своего возраста. Как и я в свое время.

Пока я на него пялюсь, над столом повисает неловкая пауза. И я не знаю, чем ее заполнить. У меня нет абсолютно никакого опыта общения с детьми. Единственное, что меня может выручить – так это какая-то общая тема. Но я понятия не имею, чем Женька интересуется и живет. К удивлению, на выручку мне приходит сам мальчик.

– Ты был на похоронах?

– Да. А ты решил не ехать?

Женька морщит нос. Как это обычно делала Ева, и я давлюсь кофе. Проклятье. Мне до сих пор сложно представить её чьей-то матерью. Тем более матерью такого взрослого парня.

– Не я. Мама. У меня недавно было воспаление легких, и она сказала, что мне не стоит морозить задницу на кладбище.

– Наверное, она права.

Что ж... Это действительно все объясняет. И то, что Евы не было в морге, когда туда вчера приезжал я.

Мальчик пожимает плечами и утыкается взглядом в чашку. Сейчас, когда он рассказал мне о своей болезни, я замечаю следы усталости на его по-детски округлом лице.

- Может, тебе отлежаться надо, а не в стрелялки гонять?

Женька не успевает мне ответить. Потому что входная дверь снова хлопает, и буквально пару секунд спустя на пороге кухни материализуется Ева. Она запыхалась, как бегун на финише марафона. Неужели так торопилась? С чего? Не потому ли, что увидела мою припаркованную машину?

- Что ты здесь делаешь?

- Пью кофе. Твой сын меня пригласил.

Вижу, как желание сказать все, что она об этом всем думает, борется в ней с нежеланием впутывать в это ребенка. Я еще гадаю, что же все-таки победит, когда она, будто обмякнув, проходит через кухню и, склонившись над Женькой, трогает губами его лоб. Я сглатываю и убираю руки под стол, чтобы никто не увидел, что те дрожат, как у алкаша в завязке.

- Ну, мам! - ноет Женька.

- Температуры не было?

- Да нет же!

- Это хорошо...

- Я пойду к себе, - бурчит мальчишка, спрыгивая со стула.

- Ты в порядке?

Ева задерживает в руке ладонь сына и шарит по его лицу взглядом, полным беспокойства. А я вдруг думаю о том, что уже и забыл, какая она маленькая. Теперь, без каблуков, Ева лишь не намного выше сына. Хотя... черта с два я забыл. Кого я обманываю?

- Нормуль.

- Я зайду к тебе чуть позже. Ладно?

Женька бормочет что-то невнятное и оставляет нас в кухне одних. А я вспоминаю, как мы впервые сидели здесь вместе, и... злюсь. Опять злюсь.

- Так о чем ты хотел поговорить?

- О наследстве, конечно. Разве не об этом говорят родственники после похорон? - пытаюсь шутить, но зубы сводит, и осточертевший за целый день галстук душит меня все сильнее.

- Понятия не имею, о чем и кто там говорит.

Ева тянется за графином с водой. Берет стакан. Внешне спокойная, но меня хрен обманешь. Я слишком хорошо ее знаю. Слишком, мать его, хорошо. Её руки слегка дрожат, и графин предательски звякает о край стакана.

Боишься? Правильно делаешь. Я камня на камне не оставлю от твоей прежней жизни. Я заставлю тебя заплатить. За все...

- Не знаю, говорил ли тебе отец, что все его имущество арестовано... - захожу издалека, внимательно наблюдая за Евой.

- Об этом знают все, - пожимает плечами та и отставляет в сторону опустевший стакан.

- А после того, как суд состоится, его, со стопроцентной вероятностью, конфискуют.

– Послушай, давай ближе к делу. Я устала просто нечеловечески. Мне не до этих реверансов. Говори, что хотел, и иди с богом.

– Гонишь меня из собственного же дома? Не много ли ты на себя берешь?

– Это давно уже не твой дом, Никита.

– Ошибаешься. Отец заложил его, чтобы расплатиться с адвокатами. Угадай, кто выкупил право требования по договору?

Развожу руками и кривлю губы в усмешке. И жду... жду хоть какой-то реакции, но она молчит. Смотрит на меня с легкой брезгливостью, будто я таракан какой-то... и молчит.

– Отец оставил тебе одни долги.

– И? Что дальше? Ты же пришел ко мне не для того, чтобы озвучить то, что и так очевидно?

– Ты права. Я пришел к тебе с предложением... – верчу в руках чашку, вскидываю на нее наглый ищущий взгляд и уверенно добавляю: – от которого ты не сможешь отказаться.

– Даже так? – Ева закидывает одну ногу на другую и принимается растирать щиколотку осторожными круговыми движениями. И я залипаю на этом процессе, забывая все заготовленные слова. – Так что же ты предлагаешь?

– Я готов обеспечить тебе привычный уровень жизни, простить долг за дом и обеспечить будущее Жени.

– Очень щедро. И что же ты хочешь получить взамен?

– Тебя. В качестве своей любовницы. Скажем, на год, если мне не надоест раньше.

Несколько секунд Ева смотрит на меня с открытым ртом, а потом начинает... смеяться. Весело. Звонко. Совсем не так, как положено загнанной в угол

женщине.

И я понимаю, что просчитался... Я, мать его, просчитался! Но где?

Глава 2

Кит. Двенадцать лет назад.

Гребаный будильник! Гребаный дождь и гребаный универ! Хотя, наверное, по сравнению с гребаным Сандхерстом, в который отец хочет меня засунуть на будущий год, это прямо таки райское место. Мой отец потомственный военный. И свято верит в то, что желание продолжить нашу славную династию вписано в мой генетический код. Иными словами, срать он хотел на то, чего хочу я. Вот так вот...

Нет, вообще мой старик – мужик нормальный. Насколько может быть нормальным военный его уровня, но... Слишком, мать его, доминирующий. Моя жизнь расписана на двадцать лет вперед, в моей комнате и шкафу – идеальный порядок, а в школьном аттестате – одни пятерки. Я – его гребаная гордость. Ага, так он сказал однажды. И это единственная похвала, которую я от него слышал. Никаких похлопываний по плечу или, упаси бог, объятий. Точно так же мой отец ведет себя с подчиненными. Он и разговаривает со мной, как с ними. Приказами. Отдает их сухим ровным тоном и ждет неукоснительного исполнения. Ему даже в голову не приходит, что я могу послушаться. Или иметь свое мнение, или...

Отбрасываю зубную щетку, несусь в кухню, где меня дожидается приготовленный домработницей завтрак. Одной рукой сую в рот бутерброд, второй – наливаю кофе.

Может быть, дело в том, что у меня нет матери. Ну, как... Теоретически она, конечно же, где-то есть. Но не в нашей жизни. Она бросила отца, когда мне было полгода. И с тех пор мы ничего о ней не слышали. Любые вопросы на эту тему – табу. Знаете, порой я думаю, что если бы мать не кинула нас с батей, он бы, наверное, был другим. Возможно, более... ну, я не знаю, чутким... Тем самым отцом, который нужен любому нуждающимся в любви ребенку. Мой же старик

считал лишним любое проявление эмоций. Ему достаточно было знать, что я не голоден и одет по погоде.

- Проспал? - качает головой вернувшаяся в кухню домработница.

- Угу, - отвечаю с набитым ртом. Делаю глоток кофе и закашливаюсь - тот слишком горяч.

- Ну, что ты творишь, торопыга?!

Машу у рта рукой, как будто это как-то поможет, сгребаю Марь Санну в объятия и делаю круг по кухне, под ее заразительный смех.

- Все! Побежал! - киваю головой, отпуская ее так же резко, как и подхватил.

- Погоди! А цветы?! Я что, за ними зря ходила?

Закатываю глаза. Я не школьник уже, я гребаный студент, а мне все покупают эти сраные венки. И все потому, что мой отец уверен, будто так где-то там положено.

- Ну, давай их сюда! - вздыхаю и подхватываю пиджак со стула. Выкинуть букет я всегда успею, а Марь Санну обижать не хочется. Она ходила за этим венком под дождем.

- И зонт! Зонт возьми! Там такой ливень...

Хватаю рюкзак, цветы, зонтик и со всем этим добром спускаюсь вниз, перепрыгивая через ступеньки. Открываю калитку и задыхаюсь в душных объятиях города. Сентябрь сентябрем, а лето и не думает сдаваться. Невыносимо жарко и ветрено. Смотрю на зонт и понимаю, что его сломает первый же сильный порыв. Матерюсь про себя, сую зонтик в рюкзак и, накрыв им голову, несусь к метро.

В последний момент успеваю запрыгнуть в закрывающиеся двери вагона. В тот же миг он резко трогается, и по инерции я лечу вперед, ломая сраные гладиолусы о впереди стоящую... девушку? Из-за толкучки, образовавшейся в

вагоне, мы стоим так близко, что ее маленькие груди расплющивает о мою грудь. Ничего примечательного там нет. Но я один черт залипаю. Моя грудная клетка часто вздымается – не то от вынужденной пробежки, не то от неожиданного возбуждения, накатившего, кажется, ни с того ни с сего. Впрочем, чему удивляться? Я здоровый молодой мужик. В моей крови бушуют гормоны. А тут такая картина. Простая хлопковая блуза девицы намочла, прилипла к телу, вызывая очертив крупные темно-коричневые соски. Я отодвигаюсь, насколько это возможно, чтобы получше ее разглядеть, и разочарованно выдыхаю, когда она, закрываясь, прячется от меня всю красоту за красной папкой. Любопытство берет свое, и я поднимаю взгляд выше. По тонкой довольно смуглой шее, полным, отчего-то дрожащим губам, к глазам шоколадного цвета.

– Привет, – улыбаюсь нагло и самоуверенно.

– Привет, – шепчет немного испуганно.

– Студентка? – киваю на папку и медленно-медленно веду пальцем по ее руке. Слышу, как она задыхается от моей наглости, прежде чем отшатнуться в сторону. Смешная. Мы зажаты, как шпроты в банке, куда ей бежать?

– Меня зовут Кит. А тебя?

Состав останавливается, и наш разговор прерывает толпа, спешащая к выходу. Внимательно наблюдаю за девчонкой. Не знаю, чем она меня зацепила. Может быть, своей необычной внешностью. Она невысокая и такая хрупкая, что поток спешащих к дверям людей в какой-то момент увлекает ее за собой, а она, не в силах ему противостоять, беспомощно озирается по сторонам, в поисках ближайшего поручня. В последний момент успеваю ухватить ее за руку.

– Спасибо, – снова шепчет она и не слишком активно начинает вырывать свой локоть из моей хватки.

– Пойдем, там есть место...

Мне осталось ехать всего три остановки, но уж больно хочется ее подразнить. Падаю на сиденье в углу, дергаю ее на себя.

– Что ты делаешь? – ошарашенно интересуется эта недотрога, ерзая на моих коленях. Задевая стоящий колом член. Стискаю зубы. Это чертовски приятно.

– Сиди! – шикаю я, на корню пресекая ее отчаянные попытки подняться. – Тебя там задавят.

Киваю в сторону двери, в которую набилось, кажется, еще больше народу, чем вышло. Девчонка вздыхает, складывает руки на коленях, как первоклашка, и упирается взглядом в пол.

– Так как тебя зовут? – повторяю вопрос, с удовольствием замечая, как чутко на меня реагирует ее тело. Как высовываются из своих укрытий мурашки и бегут куда-то, бегут...

– Ева, – шепчет она, сглотнув. Я слежу, как ком опускается вниз по ее горлу, и вновь залипаю на маленьких острых пиках. Облизываюсь, поднимаю взгляд и будто проваливаюсь в темную прорву. В вагоне адски жарко, но этот жар не сравнится с пожаром, разыгравшимся в моих штанах. Черт... Даже странно, чего это я?

Мимо с грохотом проносится встречный поезд. А еще через несколько секунд мы останавливается. Ева вскакивает с моих колен и, что-то невнятно пробормотав, неожиданно протискивается к выходу. Зачем-то бегу за ней, но двери закрываются, и я остаюсь в гребаной душегубке тарыхтеть дальше. В такие моменты я очень жалею, что у меня нет машины. Спросите, почему так? Все просто. Мой старик уверен, что это лишнее. Баловство... А баловать меня он не считает нужным. Да и взрослый я уже в его понимании. И похрен, что большинству моих друзей будущее обеспечили родители. У отца иное мнение на этот счет. Он говорит, что в этой жизни я должен всего добиваться сам. А если не смогу – значит, не достоин. Не то, чтобы я с ним не согласен, но... когда в вагоне метро, кажется, все сорок градусов, от моих убеждений не становится холодней.

И вот, наконец, моя остановка. Выхожу из подземки, выкидываю изрядно потрёпанный букет в ближайшую урну и бегу под дождем вверх по тротуару. Зайдя в корпус, первым делом иду к стендам, чтобы узнать расписание. Народу полно, и подобраться к спискам удастся не сразу. За это время я успеваю немного осмотреться по сторонам.

– Есть международники, группа один-один, а? – кричит, сложив руки рупором, невысокий темноволосый парень. К нему тут же подтягиваются несколько ребят, подхожу и я.

– Всем привет. Я – Ник Бестужев. У нас пара в двести восьмой. Алиев, Прохоров, Яковлева и... – переводит взгляд на меня.

– Кошелев.

Уверенно пожимаю руку и вопросительно вздергиваю бровь, в ответ на изучающий взгляд парня. Я – стопроцентный лидер. Этот, вижу, тоже. Ну, ничего, братан, придется потесниться. Будто читая мои мысли, Ник ухмыляется и кивает головой:

– Погнали. Нам туда. Все уже начинается.

Закидываю рюкзак на плечо и тащусь за Бестужевым вслед. А тот не замолкает ни на секунду. Его вводная лекция довольно проста и сводится к тому, кто и кем в нашей группе приходится. Сам Бестужев – внук министра иностранных дел и вроде как старший в этой странной иерархии. Шамиль Алиев – сын известного борца – в общем, грязь под ногами. Нет, Ник этого не произносит вслух, но это отчетливо читается между строк. Лерка Яковлева – дочка номера двенадцать Форбса, Прохоров – тут не надо и объяснять. Дальше по мелочи – сынок нашего посла в Италии, внучка известного театрального режиссера и, совсем уж ничего примечательного – задроты, дорогу которым на наш жирный факультет выстелили мозги, а не связи.

Проходим в просторную аудиторию, где нас ждет первая лекция по социологии, рассаживаемся кто куда. Я устраиваюсь поближе к выходу. Терпеть не могу галерку. Рядом падает Ник.

– Будем держаться вместе, – улыбается он.

– Можно.

В ожидании, пока древний как мир препод разложит свои конспекты, оглядываюсь по сторонам и на секунду нелепо открываю рот, не в силах

поверить тому, что вижу.

– А это кто?

– Эта? Черная? – кривит губы Ник, проследив за моим взглядом. – Да никто. Пустое место. Сча... – Ник сверяется со списком. – Если я ничего не путаю, то это Евангелина Гонсалес, прикинь, имечко?

– Иностранка?

– Да наша она. Эти долбанные тестирования развязали руки всяким нищесборным задротам. Нас понудили иметь дело с плебеями.

– Это называется – равные условия для поступления.

– Дерьмо, вот как это называется, – ржет Бестужев, и резко меняя тему, замечает: – Ты лучше к Лерке приглядишься. Из неосвоенных только она. Недавно рассталась с Костей Лемовым. Есть шанс. Крутая телка. Я бы и сам ее оприходовал...

Криво улыбаюсь, хотя мне совсем не смешно. В принципе, я понимал, что, скорее всего, будет именно так. И никуда не деться от этих понтов и своеобразной иерархии. Мне-то что с этим дерьмом делать? Я не хочу выглядеть белой вороной. Но не уверен, что готов вести себя, как надменный мудака, лишь бы соответствовать установленным кем-то правилам. С меня хватает правил, навязанных мне отцом.

Невольно взгляд возвращается к Еве. Наблюдать за ней гораздо интереснее, чем за профом, лекция которого, кажется, тянется невозможно долго. Пытаюсь себя убедить, что дальше будет получше, но выходит не очень. Говоря откровенно, манал я эти международные отношения, как и все остальное. Будь на то моя воля – я бы связал свою жизнь с программированием. Вот, что мне нравится на самом деле. Проблема в том, что это никого не волнует. В нашей семье все рождаются либо дипломаты, либо военные. Точка. И у меня не хватает силенок на то, чтобы просто озвучить отцу, что хочу другого. Потому, что больше всего на свете я боюсь его разочаровать.

Стискиваю зубы и вновь возвращаюсь взглядом к Еве. Она кажется полностью сосредоточенной на лекции. А я вновь захожусь, глядя, как в задумчивости она покусывает кончик ручки.

У Бестужева тренькает новенький айфон. Совсем debil, почему не на беззвучном? Профессор хмурится, делает ему замечание, а Ник делает вид, что проникся. Но как только препод отворачивается, вновь достает смарт.

- О, Карась пишет. Иван Карасев... Ну, ты, наверное, знаешь. Зовет нас на гулянку по случаю первого учебного дня. В пятницу.

- Не уверен, что выберусь, - пожимаю плечами.

- Ты че? Надо быть обязательно. От таких приглашений не отказываются, Никит.

- Кит, - поправляю я.

- Что?

- Говорю, называй меня Кит. Так привычней.

- Да без проблем. Ты, главное, подтягивайся. Он дома устраивает тусу. Должно быть весело.

Киваю. И снова невольно кошусь на Еву. Она магнитом притягивает мой взгляд весь день, где бы мы ни были. Даже в столовке безошибочно ее нахожу. Хотя там толпа - дай боже. Она сидит за столом в углу и ест, очевидно, принесенный с собой бутерброд, и несмотря на то, что все другие столики забиты просто до отказа, рядом с ней не садится никто. Будто она прокаженная, или... я не знаю. Но отчего-то бешусь. Расплачиваюсь за свой заказ и, не дожидаясь Ника, иду прямо к ней. Опускаю поднос на стол, так резко, что она вздрагивает, а мой чай выплескивается на новенькую клеенку.

- Не занято?

- Н-нет...

Только я устраиваюсь с ней рядом, как перед нами материализуется Бестужев.

- Там свободный стол, - кивает куда-то вглубь зала.

- Да нормально. Нас и здесь неплохо кормят.

- Кит!

- Ник!

- Ну, смотри, как знаешь, - фыркает Бестужев и уходит.

Глава 3

Ева. Настоящее.

Это правда смешно. Знаю, потом придут совершенно другие чувства... Может быть, очень скоро придут, но... пока мне весело. Я и смеюсь, как уже давно не смеялась.

- Я сказал что-то смешное? - цедит Кит. И от этого мой смех обрывается, но еще некоторое время звенит под потолком.

- Очень.

Качаю головой и, несмотря на то, что отчаянно трушу, стараюсь держаться уверенно. Не зря же я столько работала над собой.

Никита отставляет чашку и встает со своего стула. А у меня приподнимаются тонкие волоски на теле. Он - магнит. Чертов магнит, который притягивает их... и меня. И ведь ничего... абсолютно ничего не меняется, сколько бы ни прошло времени. Он - болезнь, которой я болею уже очень долго. Неизлечимая, изматывающая душу болезнь.

- Помнится, раньше я вызывал у тебя совсем другие чувства.

- Раньше... Тут ты действительно прав.

Отхожу от него ровно в тот миг, как он протягивает руку, чтобы меня коснуться. К счастью, мое движение выглядит естественно. И это хорошо. Не хочу, чтобы он подумал, будто имеет какую-то власть над моими чувствами.

- Ты же знаешь, что мне достаточно двух минут, чтобы показать тебе, как ты ошибаешься.

Мое дыхание прерывается. Потому что Кит прав. Он столько раз мне это доказывал... Чувствую, как жаркий румянец заливает щеки, и радуюсь тому, что из-за смуглого цвета кожи могу об этом не волноваться. Тело меня не выдаст.

- Давай лучше вернемся к цели твоего визита, - говорю я и наклоняюсь, чтобы достать из бара припрятанную бутылку вина. Мне определенно нужно выпить. Но сначала не мешало бы избавиться от Никиты.

- Передумала?

- Нет. То, что ты выкупил у банка право требования - ничего не означает.

- Выплата кредита просрочена на три месяца, Ева. Счета отца арестованы. Да и нет на них ничего. И у тебя... ничего нет. Смирись и не упрячься.

Новость о том, что мы просрочили выплату по закладной - становится для меня неприятным сюрпризом. Но не потому, что мне нечем платить. Тут Никиту, очевидно, ждет большой неприятный сюрприз. Да только плевать мне. Я давно уже не та девочка, которая в поисках помощи и участия готова продать себя. Жизнь научила меня ни от кого не зависеть и всегда иметь запасной план.

- Я не упрячусь, Никита. Я просто отказываюсь от твоего предложения. Оно мне не интересно. Совсем.

Одним стремительным движением Кит вскакивает со своего места и, схватив меня за руку, оттесняет к стене.

– У... отца... ничего... не осталось! Думаешь, я поверю, что он заложил бы дом, если бы у него была припрятана пара-тройка миллионов?!

– А кто тебе сказал, что он что-то припрятал?! Или что я хоть как-то от него завишу? Кто?! – выхожу из себя и двумя руками, что есть сил, толкаю его в грудь. Вот так всегда. Стоит нам оказаться вместе. Страсти вспыхивают, эмоции вырываются на поверхность, натянутые струнами нервы безжалостно рассекают плоть... И когда все заканчивается, я каждый раз, истекая кровью своей любви, собираю себя по ошметкам.

Мне мучительно больно. Мне мучительно больно за ту девочку, которая однажды любила. Которая на все, что угодно, была готова ради этой любви. Которая отдавала всю себя. Бескорыстно ему отдавала. А взамен... не получила вообще ничего. Кит делился со мной своими мечтами, выворачивал наизнанку душу, но его никогда... никогда не интересовало то, что творилось в душе у меня. Самоуверенный и обласканный судьбой, он думал, что такие, как я, не мечтают...

Кит отступает под моим бешеным напором, а из меня будто вынимают батарейку.

– Проваливай отсюда! – шиплю я.

– Я имею такое же право на этот дом, как и ты.

– Вот и вступай в права наследования. Разделим с тобой долги! Хочешь?!

– Этот дом по факту и так уже мой.

– В лучшем случае – наполовину, – отрезаю я, давая понять, что кое-что соображаю в делах наследования, а сама делаю себе пометку не забыть поинтересоваться, о какой сумме долга вообще идет речь. Не сомневаюсь, что смогу его погасить. Вот только... насколько мне это нужно? Свои деньги я могу потратить с гораздо большей пользой. Единственное, что меня держит – Женька. Этот дом принадлежит моему сыну по праву.

– Смотрю, ты уже подготовилась.

- Не сомневайся.

Лгу. К такому жизнь меня не готовила. Хотя это именно Саша сделал все, чтобы мои деньги остались при мне. Думаю, он чувствовал, что из него хотят сделать козла отпущения. И ограждал меня от возможных последствий, как мог. Мы даже официально развелись два года назад. Он настоял. И тем самым защитил меня. Даже в этой, казалось бы, безвыходной ситуации.

Никита обжигает меня ненавидящим взглядом и неторопливо шагает к выходу. Но не успеваю я с облегчением вздохнуть, как он оборачивается.

- И как оно, знать, до чего его довела?

- Довела? - непонимающе переспрашиваю я.

- А почему же еще он проворовался? Я вижу только одну причину. Твои непомерные аппетиты. Ну, скажи, Евангелина... Чего тебе не хватало? Цацок? Дизайнерских шмоток? Машин... путешествий?! Чего тебе, мать его, не хватало?!

Сглатываю собравшийся в горле ком. Мои обида и боль такие сильные, что это становится невыносимо. Кит всегда был ко мне несправедлив. Но сейчас вообще перешел все границы.

- Ты можешь думать все, что угодно. - Отворачиваюсь, сжимая в кулаки дрожащие руки. У меня больше нет сил, и если он не уйдет, я... Дверь хлопает, и я сгибаюсь пополам, с жадностью, с хрипом вдыхаю воздух. Меня колотит мелкой дрожью, и это длится долго, мучительно долго... В себя меня приводит звук торопливых шагов на лестнице. Опираюсь на руку и поднимаюсь. Убеждаю себя, что сейчас мне нужно быть сильной, как никогда.

- Мам? Тебе нехорошо, мама?! - в голосе Женьки звучит паника. Я стряхиваю ладонями слёзы с щек (оказывается, я плакала!) и осторожно раскрываю объятия для сына. Знаю, что в последнее время ему не по душе эти нежности, но мне очень надо. Просто обнять его и почувствовать тепло живого... родного человека. Женька покорно делает шаг, и в ответ прижимает меня к себе.

- Все нормально, Жень, - шепчу в его темные волосы. - Я просто немного...

– Скучаешь по папе?

– Да, – выдыхаю я и не вру. Я действительно очень, очень скучаю. Рядом с Сашей я чувствовала себя такой защищенной... Может быть, я и не любила его так, как он того заслуживал, но старалась сделать его счастливым. А он делал счастливой меня...

– Я тоже по нему скучаю.

– Я знаю, сынок. Я знаю...

Стоим некоторое время вот так. Посреди кухни. В которой еще каких-то два дня назад рядом с нами был он, и покачиваемся из стороны в сторону. Только сейчас до меня доходит необратимость того, что случилось. Только сейчас я по-настоящему понимаю, что никогда больше не увижу его, не приду за советом, не засмеюсь в ответ на редкую скупую шутку, и меня... накрывает. Знаю, что нужно держаться, но не могу. Мое тело сотрясают рыдания.

Некоторое время спустя, когда я, чуть отдышавшись, берусь за приготовление ужина, у меня звонит телефон. Он вообще звонит у меня очень часто. Такова моя жизнь... Но в этот раз в его звуке мне слышится что-то зловещее. Я откладываю овощечистку, обтираю руки и принимаю вызов.

– Добрый вечер, Михаил Иванович, – приветствую лучшего друга и наставника мужа, с которым мы расстались всего несколькими часами ранее.

– Если бы так...

У меня пересыхает во рту. Я сжимаю трубку чуть крепче.

– Что-то случилось?

– Да. Ты должна знать. Я тут перетер с экспертами... В общем, похоже, что все произошло не случайно, Ев. Саша, он...

– Что он?

- Есть вероятность, что он покончил с собой.

- То есть к-как п-покончил? Это же авария, мне сказали, что это авария... - шепчу, с трудом преодолевая сопротивление связок.

- Его машина врезалась в отбойник на полной скорости. Дорога была пустой, погодные условия хорошими...

- Нет-нет! Такого не может быть. Какой смысл?! Он же договорился со следствием. Я знаю точно, что договорился!

- Его кинули, Ева. У них был ордер на его арест, и... В общем, я думаю, Саша знал об этом. Прости... Но лучше ты от меня об этом узнаешь, чем из новостей.

- Да-да, конечно... Спасибо.

Я отбиваю вызов и медленно опускаю руку. Женька куда-то убежал. И слава богу, что он не слышит наш разговор с его крестным. Не хочу, чтобы он узнал о том, что случилось. Не хочу...

Каким-то чудом мне удастся продержаться до конца вечера. Накормить сына ужином, убрать со стола и проследить, чтобы он улегся пораньше. Своей истерике я даю выход лишь поздно ночью. Закрывшись в гардеробе, среди развешанных вещей мужа, которые до сих пор хранят его запах.

Наша история с ним началась плохо. И плохо закончилась...

Как жаль. Как безумно жаль...

Иду в опустевшую спальню, ложусь в кровать и лежу до утра, не в силах уснуть и не думать. Приведением брожу по комнатам и понимаю, что не смогу здесь оставаться. Не смогу... Может быть, Саша понимал это лучше меня, потому что года четыре назад, когда я начала зарабатывать первые серьезные деньги, настоял на покупке квартиры в городе. Поближе к Женькиной школе. И я согласилась, ведь в тот момент я как раз искала новое место для съемки роликов для своего ютьюб-канала. Купила довольно просторную трешку, сделала ремонт... Сейчас та квартира больше походит на студию, но если

постараться, все можно довольно быстро исправить.

Утро проникает в окно серым безрадостным светом. Зря я надеялась, что смогу сегодня поработать. Последствия слез и бессонной ночи невозможно спрятать даже под толстым слоем грима. Поэтому, махнув на дела рукой – подписчики подождут, я принимаюсь неторопливо готовить завтрак. Женька спускается вниз, когда уже практически все готово. Мы едим без особенного аппетита, вяло обсуждаем последние новости, и в какой-то момент я не выдерживаю.

– Жень, я хотела с тобой поговорить.

– Говори, раз хотела, – хмурит темные брови сын.

– Как ты смотришь на то, чтобы переехать?

– Куда? Когда? Навсегда? – возбужденно сверкает глазами Женька.

– В город. Понимаешь, здесь все напоминает о папе, а без него... – не могу договорить. Я просто не знаю, как объяснить девятилетнему мальчику, сколько противоречивых воспоминаний связаны для меня с этим домом. Хороших ли, или плохих, тех, о которых я стараюсь вообще не думать, но которые упрямыми блохами лезут в каждую щель. Куда бы я ни пошла, чтобы ни делала, эти стены – темница памяти, из которой, наверное, мне пришла пора вырваться.

– А кто же будет жить здесь? Кит?

Отвлекаюсь от тарелки и вновь впиваюсь взглядом в озадаченное лицо сына.

– Кит? – облизываю губы.

– Никита. Папа мне много о нем рассказывал.

– Я не знала... – трусливо отвожу взгляд и начинаю суетиться вокруг приготовления чая. Я все еще не могу забыть, как вчера впервые увидела их вместе. Это... слишком. Слишком для меня.

– Да. Знаешь, всякие смешные истории.

Улыбаюсь онемевшими губами. Киваю головой. Никита – явно не та тема, которую я хотела бы обсуждать с Женькой. Но ему-то откуда об этом знать?

– Тебе не кажется странным, что он к нам никогда не приезжал?

Да что ж такое? Этот день решил меня доконать?

– Наверное, у него были на это причины.

– Может быть, он расскажет о них. Папа говорил, что вы были с Китом самыми лучшими друзьями. Как мы с Ильей.

С губ срывается испуганный смешок. Как мы с Ильей... Нет! Нет, все было намного хуже. Это была не дружба, сынок. Не дружба! Невольно злюсь. Потому что мне трудно понять, какого черта Саша вообще говорил с Женькой об этом. Вряд ли нашему сыну стоит знать, кем для меня был Кит. Это... совсем не та история, которой я хотела бы с ним поделиться.

– Так, что ты скажешь по поводу нашего переезда?

– Не знаю. В городе я смогу чаще видеться с друзьями.

Наверное, для Женьки это большой плюс. Радуюсь, что у детей все обстоит намного проще, чем у нас, взрослых. Бодро хлопаю ладонями по столу и говорю:

– Что ж! Тогда нам придется потрудиться! Собрать вещи на первое время и все такое...

Я думаю, сборы отвлекут меня от невеселых воспоминаний, но когда я захожу в комнату сына, они обрушиваются на меня лавиной...

Ева. Двенадцать лет назад.

Я влюбляюсь в него сразу же. С разбегу. Как только он находит в себе силы оторвать свой бесцеремонный взгляд от моей груди и поднять его чуточку выше. Красивый и беззаботный... Уверенный в собственной неотразимости. В общем, моя полная противоположность. Рядом с ним с моим телом начинает происходить что-то странное. Дыхание сбивается, ноги слабеют, а низ живота наполняет неведомое раньше томление. Собственная реакция так сильно меня пугает, что я делаю шаг назад, прежде чем понимаю всю бесперспективность этой затеи. Мы зажаты в вагоне со всех сторон, как шпроты в банке. И пользуясь этим, он вдавливаясь в меня сильнее. Наверняка специально. Провоцируя... Никак иначе я не могу объяснить происходящее. Вряд ли такому парню, как он, я могу на самом деле понравиться. Но когда Кит беспардонно усаживает меня к себе на колени, я понимаю, что ошибаюсь. Потому что он... возбужден. И этот факт почему-то производит на меня такое неизгладимое впечатление, что я выскакиваю из раскаленного вагона на две остановки раньше положенного. Оборачиваюсь и ловлю его темный взгляд в окне отъезжающей душегубки. Мое лицо пылает, я жмурюсь и отхожу ближе к стене, дожидаться нового поезда.

Прекрасно, Ева... Просто прекрасно! – бормочу под нос. Я думала, что этот день уже не может стать хуже, но жизнь любит меня удивлять.

На свою первую лекцию в университете я прихожу промокшая до трусов. Но к счастью, хотя бы не опаздываю. Чувствую себя Золушкой, попавшей на бал, когда захожу в корпус. Стараюсь не пялиться по сторонам так уж сильно. У стендов с расписанием собралась толпа студентов, и я радуюсь, что бабуля заранее узнала его для меня по телефону. Все вокруг такие пафосные, что, так и не решившись спросить у кого-нибудь, где находится нужная мне аудитория, я иду, не зная, куда, наобум. Впрочем, система нумерации довольно понятная, и свою аудиторию я нахожу довольно быстро. Однако далеко не сразу решаюсь войти. Я знаю, как это глупо, но все равно боюсь, что стоит мне это сделать, как кто-то из присутствующих встанет, ткнет в меня пальцем и громким, полным праведного негодования голосом уличит в том, что я не имею права здесь находиться. Мое сердце колотится, как сумасшедшее. И его стук эхом отдает в ушах. Меня мутит от страха.

– Ну, ты заходишь или как? – спрашивает разодетая в пух и прах девица. Облизываю губы и медленно киваю. Толкаю дверь... В аудитории уже полно народу. На негнущихся ногах прохожу дальше и сажусь за ближайшую ко входу

парту. Не потому, что я отличница или зубрила. Просто на то, чтобы подняться выше, у меня банально нет сил. Достают ручку, тетрадку... Чувствую, как по мне ползут десятки взглядов. Они сканируют меня на предмет стоимости одежды, побрякушек и скользят дальше, не обнаружив для себя ничего интересного. Совсем скоро эти ребята собьются в группки по интересам, образуют свою сложную иерархию, на дне которой окажусь я... Евангелина Гонсалес. Маленькая зарвавшаяся мошенница, которая попала в их круг обманом.

Мне так неуютно, что хочется сбежать. Я даже дергаюсь, порываясь встать, но, отрезая мне пути к отступлению, в аудиторию заходит препод. Сглатываю собравшийся в горле ком. Заставляю себя успокоиться и сосредоточиться на лекции. Ведь потом у меня вряд ли найдется время на повторение пройденного материала. В отличие от всех этих мажоров, я вынуждена работать, чтобы не сдохнуть с голоду. И я пока слабо представляю, как буду совмещать работу с учебой по такой сложной специальности. Говоря откровенно, я не думаю, что это вообще возможно. Но это мечта моей бабушки. Она сделала все, чтобы меня сюда всунуть. Она так сильно рисковала... Что я просто не могу её разочаровать. И хотя бы не попытаться.

Нервничаю все больше. Как всегда в такие моменты, начинаю покусывать колпачок ручки. И снова ощущаю чей-то ползущий по спине взгляд. Не знаю, почему так, но я чувствую их инстинктивно. Взгляды... Я так сильно привыкла к тому, что меня не замечают, что испытываю тревогу каждый раз, когда это случается.

Я привыкла быть невидимкой...

Делаю вид, что записываю конспект, а сама кошусь в сторону. И забываю, как надо дышать, когда узнаю в пялящемся на меня парне того наглеца из троллейбуса. Поверить не могу, что это он. Сердечный ритм сбивается. Я шевелю губами, как выброшенная на берег рыба. Меня пугает собственная реакция. Ведь я как никто знаю, какими опасными могут быть эти чувства. Я своими глазами видела, во что они превращают женщину... Моя опустившаяся мать – живой тому пример. Нет, уж. Увольте. Мне это не нужно. Съезжаю чуть ниже по лавке в попытке слиться с окружающим пейзажем.

Я – невидимка. И мне это нравится.

Лекции тянутся мучительно долго. И несмотря на собственный план, у меня не получается на них сосредоточиться. Все мои мысли заняты им. Почему он так пялится на меня, господи?! Едва звонит звонок, хватаю тетрадки ручки и бегу неизвестно куда. По пути набредаю на столовую, захожу туда и сажусь за самый дальний столик. Достāju бутерброд и отворачиваюсь к окну. Мест еще полно, но уже через пару минут зал заполняется до отказа. Хочу быстрее поесть, пока возле меня никто не приземлился. Но, похоже, мои страхи напрасны. Желающих покуситься на мою приватность не находится. Наверное, даже простые смертные, которые впервые получили возможность поступить сюда благодаря введенному в этом году единому экзамену, не считают меня достойной себя компанией. Ничего страшного. Я привыкла. Мой мир не перевернулся. Жую вдруг ставший безвкусным бутерброд и думаю о том, как успеть к своей смене в пекарне, когда вновь ощущаю... это. Медленно поднимаю взгляд. Как раз в тот момент, когда Кит резко опускает свой поднос на стол.

- Не занято?

- Н-нет... - ненавижу себя за эту запинку. Внутренне сжимаюсь, ожидая насмешки, но Кит никак не комментирует мой ответ. И просто садится рядом. Мне это не нравится. Он привлекает к нам внимание, которое мне не нужно.

- Там свободный стол, - замечает подоспевший за Китом парень. От него за версту несет пафосом и большими деньгами. Я сжимаюсь под его брезгливым взглядом. Мое сердце стучит так сильно, что еще немного, и вывалится из груди на изборожденный рисунками стол.

- Да нормально. Нас и здесь неплохо кормят, - отмахивается Никита.

- Кит! - голос незнакомца звучит предупреждающе.

- Ник! - парирует Кит.

- Ну, смотри, как знаешь, - фыркает тот и, смерив меня еще одним презрительным взглядом, разворачивается и уходит.

- Какие планы на вечер? - словно ничего не случилось, интересуется Кит, опуская ложку в наваристую солянку. А я уже не хочу ни есть, ни находиться здесь. И вообще, если бы не его длинные ноги, которые перегородили мне

выход, я бы уже давно сбежала.

– Не связанные с тобой.

Понятия не имею, откуда во мне берется смелость ему дерзить. Я просто хочу, чтобы Кит отвалил от меня как можно скорее. Стал как все. Незамечающим. И тогда я смогу сделать вид, что его тоже не существует, а не залипать в нем, чем дальше, тем сильнее. Видит Бог, это лишнее. Как и мое восхищение его дерзостью, хотя оно и понятно. Нет, ну, правда, кто в наше время может пойти против установленных правил, без всякого страха быть непонятыми приятелями-мажорами и наверняка рискуя статусом потенциального вожака?

В общем, своим ответом я хочу его раз и навсегда от себя отвалить. Но вместо того, чтобы обидеться и уйти, как было бы правильно, Кит смеется. Громко, заливисто, привлекая к нашему столику еще больше взглядов.

– Ты дерзкая, – говорит он, – мне нравится.

– Серьёзно?

– Угу.

– Так, ладно. Вижу, ты не догнал, что происходит. Но я тебе расскажу.

– Будь любезна, – дурашливо кланяется он.

– Не знаю, по какой причине, но ты решил, что меня будет занятно трахнуть. Так вот. Этого не будет. Никогда. Я не заинтересована. Совершенно. А теперь убери ноги и дай мне пройти.

Мой ответ его удивляет. На какой-то миг Кит даже пасует передо мной и действительно убирает ноги. Я вскакиваю, подхватываю сумку и теряюсь в заполонившей столовку толпе. Выдыхаю лишь в коридоре. Меня трясет. От собственной безбашенной дерзости, которая, в общем-то, совсем не свойственна моей натуре. То, что жизнь научила меня огрызаться и скалить зубы, не означает, что эти вещи даются мне так уж легко. К счастью, прибегать к ним мне доводится не слишком часто. Быть невидимкой – огромный плюс.

Я всерьез верю в то, что Кит теперь надолго от меня отстанет, поэтому на следующую пару иду со спокойной душой. У нас английский, который неожиданно начинается с переклички. Почему неожиданно? Ну, наверное, потому, что на лекции по социологии её не было. Я уже предвкушаю, что начнется, когда препод назовет мое имя. И ведь не ошибаюсь. Когда по огромной аудитории гулким эхом проносится звучное «Евангелина Гонсалес», зал взрывается смехом и множеством тупых комментариев. Ну, по крайней мере, это мне кажется, что тупых. Авторы шуточек наверняка уверены в собственном остроумии. Гребаные Петросяны...

Заставляю себя смотреть прямо. Поднимаю вверх правую руку, привлекая внимание препода, и на этот, казалось бы, безобидный жест уходят все мои силы. Точнее остатки сил. Как буду работать сегодня – не знаю.

После пар к метро не иду, а плетусь, с трудом переставляя ноги. В мои уши воткнуты древние, истрескавшиеся наушники, а в них звучит новый трек Рианы. Russian roulette. Очень подходит к моему сегодняшнему настроению. Я растворяюсь в музыке, а потому не слышу торопливых шагов за спиной. И лишь когда мне на талию ложится чья-то рука, вздрагиваю, вскидываю взгляд и... замираю. Смотрим друг на друга несколько бесконечно долгих секунд, стоя прямо посреди лужи. Ну, это я потом замечаю. А в тот момент... не вижу ничего, кроме его глаз. И ничего не чувствую. Даже того, что стою в воде, едва ли не по щиколотку.

Мозг посылает сердцу отчаянные сигналы SOS. Трясу головой, медленно вынимаю одно «ухо» и, насупившись, интересуюсь:

– Чего тебе опять?

– У меня вопрос.

– Один?

– Угу.

– Ну, надо же. На целый один вопрос больше, чем надо.

Сбрасываю его руку и под усилившийся шум в ушах и мерзкое чваканье вымокших кед иду дальше. И Кит, к слову, идет за мной.

– Нет, ты мне скажи. Очень интересно! Это я рожей не вышел, или ты в принципе имеешь какие-то свои соображения против секса?

На светофоре догорает зеленый, и я прибавляю шагу, чтобы успеть. Кит... Никита Кошелев, как я узнала из переключки, спешит за мной. Делаю вид, что не услышала его вопроса. Толкаю тяжелую дверь, прохожу рамки, спускаюсь по эскалатору... Поезд приходит быстро. Я запрыгиваю в вагон и сразу же протискиваюсь в его задницу, где вероятность того, что тебя затопчут, снижается до минимальной отметки.

– Ты мужененавистница? – между тем продолжает Кошелев, следуя за мной по пятам, и, конечно, привлекая к нам внимание посторонних, – Нет? Тогда... я не знаю... лесбиянка?

О, господи! Он еще здесь?!

Шиплю «нет», прежде чем понимаю, какую все же совершила ошибку. А что? Это ведь крутая отмазка. Будь я действительно лесбиянкой...

– Тогда все же дело во мне? – улыбается Кит, отправляя мое сердце в нокаут... Состав дергается, пассажиры ругаются и летят кто куда. Я утыкаюсь носом в грудь Кита, и его шикарный аромат – аромат дорогущего парфюма и разгоряченного мужского тела оседает на моих рецепторах, тревожа меня и волнуя. – Так что? – повторяет вопрос, приковывая меня к себе затуманенным изучающим взглядом. – Может, ты дала обет безбрачия? – улыбается, сосредоточившись на моих губах, которые я вынуждена облизать, прежде чем выдавить из себя:

– Почему же сразу безбрачия? Против брака я ничего не имею. И хочу достаться своему супругу девственницей. Ну, так что? Я удовлетворила твое любопытство?

Кит. Настоящее.

Я даю ей три дня на то, чтобы одуматься. Это на целых три дня больше, чем рассчитано мое терпение, и все это время я не нахожу себе места. Лесом идет все: работа, свидание с другой, глупая попытка забыться в чужих объятьях... Ева – яд, который меня убивает, но я настойчиво тянусь за этим дерьмом еще и еще.

Сам себя не понимаю... Зачем она мне сейчас? Спустила столько лет, когда уже все отошло вроде бы и отболело. Для чего я вновь возвращаюсь к прошлому? Наказать её? Отомстить? Может быть. Но скорее я просто хочу ее снова трахнуть. Один раз. А потом еще и еще... И мое желание забраться к ней в трусики такое сильное, что я не могу думать ни о чем другом. Не могу спать, не могу есть, не могу жить своей привычной жизнью. С тех пор, как погиб отец, я думаю о ней постоянно. Возвращаюсь мыслями к нашему прошлому. Тогда еще счастливому и полному глупых надежд. К той девочке, которую любил слишком сильно, несмотря на то, что мы были такие разные. О да. У нас с ней не было ничего общего. Абсолютно... Кроме моей гребаной потребности. Иррациональной и необъяснимой. Неубиваемой, сука, потребности быть с ней.

Почему я так зациклен на Еве? Почему каждый раз забиваю на гордость и данные себе обещания? Почему превращаюсь в неспособного себя контролировать идиота, стоит ей вновь возникнуть на моем горизонте? Гребаный ад. Я даже готов заплатить ей за то, что многие бы с радостью дали мне абсолютно бесплатно. Я даже готов заплатить...

Как же я жалок, господи! Ненавижу себя за это. Ненавижу ее. Мои чувства не поддаются логике и не контролируются волей разума. Они неправильны настолько, насколько только могут быть неправильны чувства. Они разрушительны и токсичны. И я понимаю это. Понимаю... Но все равно не могу им противостоять. Мне остается лишь верить, что все изменится, когда я, наконец, для себя закрою гештальт под названием «Евангелина Гонсалес».

А потом мне звонят мои люди из банка и сообщают, что Ева оплатила долг мужа за прошлые месяцы...

– Что значит «оплатила»?

– То и значит, Никита Александрович. Полностью заплатила сумму долга и набежавших процентов.

– Дерьмо.

– Но и это не самое важное. Оказывается, ваш отец застраховал кредит от невозврата.

– И я только сейчас об этом узнаю?!

– Говорю же, мы и сами были не в курсе. Обычно наш банк страхует такие риски самостоятельно, но Александр Николаевич почему-то обратился в другую страховую компанию.

Сжимаю трубку в руках и откидываюсь затылком на подголовник кресла. План, который казался мне идеальным, летит псу под хвост. Хотя...

Скомкано прощаюсь, выхожу из-за стола и замираю напротив огромного окна, из которого открывается шикарный вид на вечерний город. Если так подумать, возврат долга по закладной богаче Еву не делает. Лишь избавляет от уже имеющихся долгов. Но она привыкла к шикарной жизни. Жизни, которая подразумевает наличие живого платёжеспособного спонсора. В том, что она продается, я несколько не сомневаюсь. Как и в том, что мне по силам её купить. Ведь за время, что мы не виделись, я здорово поднялся. Интересно, каково оно, знать, что поставила не на того? Жить, понимая, что мой старик не дал ей и десятой части того, что теперь мог дать ей я?

Или она не знает?

Замираю посреди кабинета и растерянно тру лицо.

Какова вероятность того, что она действительно не в курсе моих достижений?

Да нет! Быть такого не может! Мое имя на слуху уже довольно давно. Не нахожу себе места. Меряю шагами комнату. То и дело поглядываю на часы. А время, будто издеваясь, стоит на месте. И ничего... абсолютно ничего не происходит.

Еду домой, включаю телевизор, чтобы заполнить тишину квартиры. Не помню, чтобы раньше она меня так угнетала, а сейчас терпеть нет сил. Распахиваю окно, впускаю суетливые звуки большого города и немного отрезвляющей прохлады.

Определённо, так не должно быть. Я какое-то гребаное исключение из правил. Ну, ведь должны же прошедшие годы хоть что-нибудь изменить?! Даже самый большой пожар со временем гаснет. А я все так же горю. Гребаным костром до неба. И затушить его не в силах даже её предательство, не то что миллионы других разумных на первый взгляд доводов и железных неоспоримых аргументов.

Гребу в ванную. Долго стою под душем, вытираюсь. И залипаю взглядом на собственном отражении. Я многое преодолел, чтобы стать тем, кто я есть. Состоявшимся успешным мужиком, который живет так, как хочет, и ни от кого не зависит. У меня солидная приносящая бешеные деньги компания, я здоров и хорошо выгляжу. У меня настолько все зашибенно, что, кажется, живи и радуйся. И как же дерьмово понимать, что все, к чему я так долго стремился, само по себе – ничто. Так, средство... А цель... цель – это всегда она.

Ненавижу!

Наутро первым делом вызываю к себе безопасника. Ева так и не звонит, и мне нужно понять, какого черта? Что она о себе возомнила?

– У меня к тебе личная просьба.

– Да? – удивляется Юра. Тщедушный такой мужичок. Лучший, кого я знаю в вопросах кибербезопасности. Кладу перед ним листок.

– Евангелина Альбертовна Кошелева. Гонсалес, – вслух читает Кулишов.

– Последнее – это в девичестве, – поясняю я. – Вдова моего отца, – невольно морщусь, озвучив эту непреложную истину. Меня до сих пор от неё передергивает. А как она... как она жила с ним? Спала? Рожала...

Стискиваю зубы.

- А что от меня-то требуется?

- Информация. Особенно меня волнуют источники ее дохода. Сколько тебе понадобится времени?

- Дня два-три. Все же в серьезные базы придется влезть. Сам понимаешь.

- Понимаю.

- Ну, тогда не буду терять времени, - Юра бьет себя по тощим ляжкам и вскакивает со стула. Я не часто позволяю ему похулиганить. И сейчас он откровенно радуется предоставленному случаю. Взрослый мужик, а ведет себя как ребенок. Хмыкаю, подхватываю пиджак и выхожу из кабинета вслед за Кулишовым. У меня на сегодня назначено несколько встреч, которые, наверное, следовало бы отложить, потому что я совершенно не в форме для переговоров.

Я провожу онлайн совещание с Сингапуром по поводу вчерашнего сбоя в работе местного дата-центра, из-за которого мы на два часа ушли в оффлайн, когда ко мне поступает звонок от Юры.

- Да?

- Слушай, ну и работку ты мне подкинул. Я думал, что-то интересное, а тут такой тухляк...

В голосе безопасника звучит непонятное мне разочарование.

- Буду через пару минут. Подгребай ко мне.

Быстро сворачиваю совещание и возвращаюсь в офис, стараясь не бежать. Потому что это, мать его, так по-детски. Но как только Юра объявляется на пороге моего кабинета, терпение окончательно меня покидает.

- Ну, что ты узнал?

- Смотри. Она?

Забираю из рук безопасника протянутый мне планшет и недоверчиво вскидываю голову:

– Ты серьезно? Инстаграм? Я разве просил тебя найти ее страничку в гребаной Инсте?

– Ты просил узнать об источнике её доходов. Это он. Посмотри, сколько у этой барышни подписчиков. А еще у нее собственный канал на Ютьюбе, кондитерский цех и довольно популярное агентство по организации праздников.

– У кого? – туплю я. – У Евы?

– Угу. Занятная барышня. Насколько я понимаю, она довольно известный кондитер. Да ты сам полистай. О ней много инфы в открытых источниках.

Сглатываю. Залипаю на фотках. Открываю видео... И везде она. Вызывающе красивая. Сильная. Уверенная в себе и раскрепощенная! Такая... другая... Я совершенно не знаю её такой.

– Я полюбопытствовал, – продолжает Юра. – Один ее рекламный пост может стоить сто-двести тысяч, учитывая количество подписчиков и активность страницы. Плюс платные подписки на мастер-классы, которые она проводит на своем канале. Плюс партнерские программы, коллаборации со всякими кулинарными брендами и доходы от бизнеса. Девочка неплохо крутится, Кит.

Трясу головой. Невозможно... Это просто невозможно, не так ли? Пока я шарю по ее страничке, Ева добавляет новое видео под названием «Топ пять украшения тортов». Ролик показывает украшение тех самых пяти тортов в ускоренном режиме. Но мне похрен на эти торты, пусть они и красивые. Я смотрю на ее руки, залипаю на красивой улыбке и уверенных, отточенных жестах, которые удивительно совпадают с наложенным на видео треком. В конце довольно короткой видюхи Ева кокетливо подмигивает, и меня перебрасывает на другую публикацию. Которую я не вижу. Потому что перед глазами она. Инста, мать её, дива. Невероятно. Просто невероятно.

Легкие сковывает. Она смотрит на меня через открытое приложение, уверенно говорит в камеру и быстро-быстро помешивает в сотейнике что-то розовое и вязкое. А мне все кажется, что это сон. Понимаете? Та Ева, которую я знаю,

никак не вяжется с этой картинкой. Зачем человеку, который всю жизнь стремился стать незаметным, по доброй воле выставлять себя напоказ? Под перекрестный огонь хейтеров и фолловеров?

Моя компания занимает большую нишу в сфере интернет-коммуникаций, я знаю, как это работает... То, чем она занимается, требует множества сил. Я изо всех сил стараюсь, но не могу представить, зачем ей это нужно. Я не знаю менее амбициозного и зажатого человека, чем Ева... У меня миллионы вопросов. Образ, который сложился в моей голове, рушится и идет трещинами. И совершенно невольно возникает вопрос.

А что, если я совершенно ее не знаю?

Отбрасываю от себя планшет и вскакиваю со своего места.

- Я могу идти? - интересуется Юра.

- Да. Только скинь мне ссылки на её профиль...

Снова подхожу к окну. Растираю виски, но сковывающая череп боль лишь усиливается. Все, что я для себя когда-то решил, все, во что заставил себя поверить, стало бессмысленным. Особенно мои обвинения в том, что Ева была с отцом исключительно ради выгоды. Тут... другое, стоит признать... Неужели любила? Зарываюсь руками в волосы и пячусь к двери. Поверить в это - все равно, что наступить на горло собственной песне. Поверить в это - значит признать, что пока я без нее подышал, она сама была вполне себе счастлива. Поверить в это - означает, что быть со мной её уже ничто и никогда не заставит. А в таком случае, зачем это все? Озираюсь по сторонам. Бреду к выходу, не разбирая дороги.

В себя прихожу только на выезде из города. Куда еду, понимаю лишь спустя еще пару минут. Меня магнитом манит в их с отцом дом. В голове роятся сотни мыслей.

Дом встречает меня темными окнами. Я стучу, звоню, но никто не открывает. Я пытаюсь убедить себя, что это все к лучшему, когда калитка за спиной хлопает.

- Кит? – звучит неуверенный голос.

- Женя? Привет.

- Какими судьбами? – совсем по-взрослому интересуется тот и протягивает мне руку.

- Да вот... Решил в гости заехать, – развожу руками, не зная что бы соврать такого правдоподобного.

- В гости? Сюда? Так мы здесь не живем больше.

- Что? Как это – не живете?

Женька пожимает плечами, достает ключи и, открывая дверь, поясняет:

- Здесь все напоминает об отце, и мама решила, что нам будет лучше поближе к центру.

Сглатываю. Боль в висках усиливается. Женька щелкает выключателем, я опять залипаю на его лице. Интересно, я когда-нибудь привыкну к тому, что мы с ним так похожи?

- Понятно, – качаю головой. – А что же ты тут тогда делаешь?

- Приехал кое-что забрать.

- Не далеко сам-то?

- Я уже взрослый, – пожимает плечами Женька. – Подождешь тут? Мне нужно подняться к себе в комнату.

- А мне с тобой можно? Хочу посмотреть, сильно ли все изменилось с тех пор, как там жил я.

– Да, пожалуйста. Что мне, жалко? Я вообще думал, что теперь ты сюда на постоянку переберешься.

– Почему?

– Ну, не знаю, – отвечает Женька уклончиво и идет к лестнице. Плетусь за ним. Прохожу в комнату и застываю на пороге. Здесь все не так, как было когда-то. Но все равно накатывает. Не знаю, как Ева жила в этом доме все это время. Здесь с каждой мелочью что-то да связано. Неужели ей было все равно? Поверить в это довольно сложно. Женька подходит к письменному столу и оборачивается. А я будто вижу себя...

Глава 6

Ева. Двенадцать лет назад.

– Ну, наконец-то, Ева! Где тебя черти носят?! – шипит моя начальница Лика.

– Прости... Прости, пожалуйста! Бабуле снова вызывали скорую, – оправдываюсь я, всовывая руки в рукава белой униформы с логотипом кейтерингового агентства, в котором я время от времени подрабатываю.

– Вот же черт! И как она?

– Да ничего вроде. Сахар опять скачет. А где все? – озираюсь по сторонам и стягиваю волосы на затылке резинкой. Волосы – это мое проклятье, доставшееся от испанца-отца. Вообще мне от него досталось многое – оливковый цвет кожи, характерные черты лица. Но с этим всем еще хоть как-то можно мириться, а вот с волосами – нет. Обрежу к чертям собачьим! – угрожаю в который раз, втыкая в тяжелый пучок шпильку за шпилькой.

– Я хотела, чтобы ты помогла Лене с сервировкой. У тебя отлично получается. Даже лучше, чем у меня.

В голосе Лики звучит неприкрытая обида. Невольно улыбаюсь и похлопываю ее по руке:

- Сильно я тебя подвела?

- Да ничего. Справимся. Вечеринка намечается – полный отстой. Золотая молодежь гуляет. Этим ребятам вообще плевать на все эти сервировки. Никто и не заметит наших стараний.

- Значит, чаевых тоже можно не ждать? – тяжело вздыхаю я. Деньги мне нужны просто позарез. И чаевые в этом случае – довольно неплохое подспорье. Того инсулина, что выдают бабуле в муниципальной поликлинике, ей с трудом хватает на две недели. Об остальных лекарствах вообще молчу.

- Ты же знаешь, какие жмоты эти мажоры. Вот если бы их снобизм можно было бы обналичивать... – мечтательно закатывает глаза Лика. – А так – одни понты.

- Ну, что ж. Значит, будем отрабатывать зарплату. Так, где все? – повторяю вопрос.

- Где-где! В автобусе. Одну тебя ждем! Едем уже...

Дорога занимает у нас минут сорок. Выпрыгиваем из микроавтобуса и, стараясь не пялиться по сторонам (мы же чертовы профессионалы!), бредем к дому по подъездной дорожке.

- Ну и хоромы! Как думаешь, кто здесь живет? – тихонько спрашивает у меня одна из девчонок.

- Тот, кто в состоянии оплатить нашу работу, – пожимаю плечами я. Та прыскает в кулак, и мы останавливаемся у крыльца в ожидании, пока Лика согласует с тощей одетой в униформу женщиной, где нам можно будет расположиться.

По желанию заказчика фуршет накрываем на заднем дворе. Сервируем четыре стола с холодными закусками и фруктами. Когда все соберутся, подадим горячее и напитки. В этом, собственно, и заключается моя работа. Накрыть столы, обслужить гостей, убрать за ними.

- Черт! Ни хрена не успеваю, – ругается в кухне повар.

- Давайте помогу! – вызываюсь я. Юрий Саныч оборачивается ко мне.

- О, Ева! Тебя мне сам бог послал. Справишься с рулетиками?

- Спаржа халапеньо?

- Угу. Давай, девочка. Очень меня выручишь.

Натягиваю шапочку, перчатки и берусь за приготовление рулетиков. Кого угодно Юрий Саныч в жизни бы не подпустил к этому делу. Но ко мне у него особенное отношение. По его словам, у меня есть поварской дар. Не уверена, что это так, но я действительно люблю готовить. Особенно хорошо у меня выходят торты и пирожные. Не зря же я впахиваю еще и в кондитерской. Будь моя воля, я бы пошла учиться на повара. Но бабуля считает, что я достойна лучшего.

Ага. Лучшего... Как же. Вспоминаю минувшую неделю и невольно хмурю брови.

Нет, я не питаю иллюзий. Будучи всю свою жизнь изгоем, мне даже в голову не приходит, что в университете хоть что-то изменится. Я – реалист и понимаю, куда влезла. И что таким, как я, там никогда не найдется места, я понимаю тоже. Но, знаете, одно дело – терпеть нападки, когда ты сам по себе... И совсем другое, когда за этим всем дерьмом наблюдает парень, на которого ты запала. Вот почему меня это задевает так сильно. Пробивает броню, проникает внутрь и сжимает сердце до легкой тянущей боли. Мне горько от того, что Кит стал свидетелем моего каждодневного унижения. Даже если мне ничего с ним не светит... Это все равно невыносимо.

- Ева? А мы тебя потеряли. Уже все началось! – заглядывает в кухню Лика.

- Сейчас. Мне немножко осталось. Я тут...

- Да вижу-вижу! Опять в кухню нос сунула?

- Моя вина, – заступается за меня Юрий Саныч, – Я не успеваю. Мне обещали шесть конфорок. А по факту их только четыре! Хорошо, хоть духовку свою

привезли.

– Я разберусь, – обещает Лика. – А как в целом?

– Карамель немного подгорела. Тебе не кажется?

Лика снимет пробу с протянутой ей ложки и качает головой из стороны в сторону:

– Нормально. К тому времени, как мы будем подавать эти пирожные, наши ребята уже так ужрут, что не отличат твою карамель от собственного дерьма. Клянусь, я видела на столе в гостиной следы от кокса...

Сворачиваю последний рулетик. Ставлю тарелки на поднос и готовлюсь выйти в зал. Ребятам нужна моя помощь, а Юрий Саныч мне уже вряд ли что-нибудь поручит. Только начало вечера, а мои ноги гудят так, что я не знаю, как доработаю. Возможно, скоро мне придется признать, что я не какой-нибудь супергерой. И мне тоже требуется отдых. Но пока я бодрым козликком скачу из универа на работу, а потом еще на одну, убеждая себя, что отдыхать буду на том свете.

Обхожу собравшуюся толпу, улыбаюсь учтивой, заученной улыбкой. Предлагаю напитки, убираю мусор и использованные салфетки. Я занята, сконцентрирована на работе, которую привыкла делать хорошо. И, наверное, поэтому далеко не сразу замечаю, что вокруг – знакомые все лица... А может, так происходит от того, что в университете я вообще стараюсь не поднимать головы, и у меня не было шанса запомнить их.

У одного из столов перехватываю Лику.

– Слушай, а за чей счет этот банкет? Кто оплачивать будет? – парадирюя Ивана Васильевича, который меняет профессию, интересуюсь я, старательно игнорируя сжимающую сердце тревогу.

– Михаил Карасев заказчик. Слышала о таком? Он из самой администрации президента! Только никому, лады?

– Угу...

Я сглатываю, окидываю взглядом собравшуюся толпу и натываюсь как раз на того самого... Караса. Даже я, совершенно не интересуясь студенческой жизнью, слышала, что Иван Карасев затевает вечеринку, приглашение на которую означает некое посвящение новичков в клуб избранных. Если тебя позвал Карась – считай, жизнь удалась. Ты в дамках. А если нет – сами понимаете. Именно поэтому в универе об этом только и говорят. Везде... Куда бы я ни пошла.

– Официаа-а-ант! – звучит мерзкий высокий голос, перекрикивающий даже орущую в колонках Леди Гагу. – Шампанского! Всем! – изрядно подвыпившая девица машет рукой, обводя скучающую толпу.

Понимаю, что шоу начинается. Но... делать нечего. Перехватываю поднос и, заложив одну руку за спину, иду в самую гущу событий. Ты только держись, Ева... Только держись. Впрочем, мое волнение совершенно напрасно. Ребята меня будто не замечают. Берут с подноса бокалы и тут же возвращаются к прерванной беседе. Наверное, они привыкли не замечать обслугу. Мы для них, как азиаты – все на одно лицо. Я уже думаю, что пронесет, когда замечу Кита. Он стоит чуть в стороне ото всех и беседует с какой-то девицей... Хотела бы я сказать, что она страшная или кривоногая. Но это не так. Девочка вполне симпатичная. И одета со вкусом, не то, что большинство присутствующих здесь девиц. Очень ему подходящая девочка. Даже злиться на нее не получается. В сердце лишь щемящая грусть... Почему? А бог его знает. Я сделала все, чтобы Кит от меня отстал. Хотя после того случая в метро он еще несколько раз ко мне подкатывал.

Будто почувствовав мой взгляд, Кит отвлекается от разговора, и наши глаза на какой-то миг встречаются прежде, чем я успеваю отвернуться. Сердце подпрыгивает, пустые бокалы, которые я собрала взамен полных – звякают. Стремительно разворачиваюсь, делаю шаг и налетаю на... самого Бестужева.

– Какого хрена? – рычит он, стряхивая с модной рубашки капли. Говоря откровенно, их не так уж и много. Бокалы-то, в основном, пустые.

– Извините. Мне очень жаль. Если вы пройдете со мной, я приведу вашу рубашку в порядок.

- Евангелина, мать его, Гонсалес. Эй, народ, поглядите, кого я нашел!

Облизываю губы, опускаюсь на корточки, чтобы поднять свалившиеся с подноса бокалы. К счастью, они упали на мягкую подушку лужайки и не разбились. Я заставляю себя думать только об этом. Мне плевать, что там еще скажет Бестужев. У меня есть работа. И мне нужно сделать ее хорошо.

- Ник, заткнись, - сквозь миллионы ментальных заслонов проникает в меня глубокий голос Никиты. Наконец, все бокалы собраны. Я выравниваюсь и шагаю к дорожке, глядя строго перед собой.

- Ты забыла один, - опять слышу Бестужева. Коля-Николай (мысленно я зову его только так) отвратительно пьян. Но я замечаю это только теперь, когда он не с первого раза попадает ногой по хайболу, который сам же поставил на землю секундой ранее.

- Ник! - шипит Никита.

Черт... Это приятно. То, что он за меня заступился. Но у меня нет времени додумать эту мысль. И нет выхода... Я опять опускаюсь на корточки, удерживая одной рукой поднос, а другой поднимаю с земли стакан с остатками виски на дне. Вокруг звучит громкий смех. Знаете, как гиены лают? Очень громко... Но почему-то в этом всем шуме я слышу тихое Китово:

- Дерьмо!

Закусываю щеку изнутри. Распрямляю плечи. Жаль, что от отца испанца мне не достался рост. Я кажусь себе маленькой-маленькой. Незначительной и ничтожной.

- Ева, подожди.

- Не накаляй! Ты сделаешь только хуже.

- Но...

– Просто отвали от меня. Мне нужна эта работа, и я не хочу её потерять! – шиплю сквозь стиснутые зубы. При этом я еще каким-то образом умудряюсь улыбаться гостям, приглашенным на вечеринку. Профессионал! Говорю же...

– Нам нужно поговорить! – стоит на своем Кит, шагая за мной по пятам. – Когда ты закончишь?

– Понятия не имею. Но это затянется надолго, – киваю в сторону кустов, в которых кто-то блюет. И этот звук доносится до нас вполне отчетливо. Кит морщится. А я, не смея его больше задерживать, скрываюсь за дверями кухни. Меня слегка потряхивает от произошедшего и ведет.

– Ты в порядке? – останавливает на мне взгляд Лика.

– Не очень. Ты не против, если я доработаю посудомойкой?

Нет, потом, конечно, всю посуду перемоют в промышленных посудомойках. Но от основной грязи на выезде мы отмываем тарелки привычным дедовским способом. То есть вручную.

– Что-то ты бледная. Мой и дуй домой. Может, еще на метро успеешь.

– Да мне здесь недалеко...

И правда. Удивительно, но наши старые четырехэтажки находятся совсем рядом с вот этими элитными особняками, раскинувшимися вдоль шоссе. Такое себе странное соседство роскоши и убогости. Ну, вот... Опять. Зачем я об этом думаю?

Не чувствуя ног, перебиваю гору посуды. Нахожу Лику и отпрашиваюсь домой. Она кивает. Сует мне в руку немного больше денег, чем я заработала, и, не слушая моих протестов, уходит. Меня корбит от такой благотворительности, но я не в том положении, чтобы от нее отказываться. Быстро переодеваюсь и, стараясь держаться в тени, бреду к воротам.

– Ева! Ева, стой!

Останавливаюсь и медленно оборачиваюсь.

- Ну, зачем, Кит? Зачем ты за мной пошел?

- Захотелось, - бурчит он.

- Мне не нужны провожатые, здесь недалеко.

Прибавляю шаг, но он все равно меня нагоняет. И успевает ухватить за рубашку, прежде чем я отскакиваю в сторону. Рубашка хоть и старая, но любимая. Она рвется с тихим едва слышным звуком. Ошарашено плююсь на образовавшуюся прореху.

- Вот черт! Я не хотел! Пойдем ко мне. Я живу рядом. Дам тебе что-то из своего гардероба. Или зашью это...

- Ничего мне от тебя не надо, - рычу натуральным образом. Нет, ну, что за дерьмо? Я на куртку денег все не выкрою, а теперь еще рубашку новую покупать! Ну, и видок, блин. Не дай бог, бабуля увидит. Решит, что я стала жертвой изнасилования.

- Я просто дам тебе свою футболку.

- Не боишься, что тебя родители неправильно поймут?

- Да нет их. Батя на учениях. А мать... матери тоже нет. Ну? Так ты идешь?

- Не знаю... - Я так устала, что хочу домой и спать. Но я также понимаю, что у нас не самый благополучный район. Ходить вот так... с выставленным напоказ лифчиком чревато. - Хотя... ладно. Пойдем... Футболку я тебе верну в универе.

- Ты ее еще даже не взяла, - отчего-то улыбается Кит.

- Но возьму же, - неловко отвожу взгляд и стискиваю на груди обрывки ткани.

Ева. Настоящее.

К концу дня голова болит так, что смерть от переутомления уже не кажется мне худшим из вариантов окончания этого вечера. Наверное, пора сворачиваться, сегодня мы хорошо поработали, но я никак не соберусь с силами, чтобы всех разогнать. Не хочу снова остаться одна. Я не могу одна... Разучилась. Одиночество меня душит.

- Так, народ, имбирное печенье остыло. Может, снимем ролик о том, как его красиво украсить?

- У нас уже было что-то похожее на прошлое Рождество, - чешет висок моя помощница Лена.

- На прошлое Рождество мы делали упор на то, как правильно приготовить глазурь. А в этом, например, покажем пять несложных идей украшения.

- А как же пряничный домик? У нас там мастер-класс.

- Домик - это домик. Отснимем и его... Когда там он у нас по плану?

- В четверг.

- Отлично. А сейчас давайте все же с печеньем что-нибудь придумаем. Если не видеоурок, то хоть фотки для оформления постов отснимем. Нам же нужна реклама подарочных пряничных наборов для кондитерской? Вот... - развожу руками. - Лен, ну, что стоишь? Доставай яйца! Лёш, включай камеру... Давай попробуем все же записаться...

- Тогда, может, тебе рубашку сменить? И на голове что-то новенькое надо придумать! В этом образе у нас уже полно материала.

- Точно!

Бегу к себе в спальню, переодеваюсь и вытаскиваю заколки из головы. Мне больше не нужно стоять у плиты, а значит, можно себе позволить в кои веки

распустить волосы – жарко не будет.

Знаете, я люблю свою работу. Но быть блогером – не так уж и просто. Я живу с телефоном в руке и просто не могу выпасть из жизни более чем на несколько дней. А еще я всегда должна выглядеть на все сто, иметь кучу модных тряпок, аксессуаров, и улыбаться... Что бы ни случилось в моей жизни.

– Всем привет. И вы снова на моем канале...

Без запинки диктую заученный текст, пышу энтузиазмом в камеру и одновременно с этим отделяю белки от желтков. Добавляю сахарную пудру, лимонный сок и врубаю миксер. Мои действия заучены, движения отточены. Я совершенно не думаю о том, что делаю. Мои мысли заняты совсем другим. Завтра у нас большой заказ на выезде. А в работе кондитерской несколько сложных авторских тортов. Иногда мне кажется, что в моих сутках не хватает, по меньшей мере, пары часов. Но я не жалею.

Разделяю глазурь на несколько порций. Добавляю красный, белый, зеленый краситель, и пока Лена за кадром наполняет ее кондитерские мешки, я раскладываю печенье на подносе.

Часы на стене показывают восьмой час.

– Лен, набери мне Женю. Он уже должен быть дома.

– Что-то не берет, – разводит руками та.

Моя тревога усиливается. Не могу отделаться от мысли, что я плохая мать. Мы воспитываем Женю самостоятельным парнем и порой забываем, что он всего лишь ребенок...

Воспитывали... Теперь я одна. Мне больше не с кем разделить заботы о сыне. Руки снова дрожат, и зеленый узор на печенье-елочке выходит совсем никудышным. Заставляю себя собраться.

– Лен, ты звони ему, звони, пока не дозвонишься!

Но съемка заканчивается, а Женьки все нет...

- На, вот. Возьми сладкий чай. Выпей. На тебе лица нет.

Трясу головой, забираю чашку из рук помощницы и замираю, потому что дверь, наконец, распахивается. Резким движением отставляю от себя посудину и несусь навстречу сыну.

- Mam... смотри, кого я привел!

Нелепо замираю посреди комнаты. Не верю... просто не верю своим глазам. На пороге моей квартиры стоят мой сын и Кит. Растерянно оборачиваюсь, будто ища помощи и поддержки в лице заинтересованно поглядывающих на нас ассистентов.

- Привет, Ева.

- Привет, - хмурюсь я. Не знаю, как это возможно, но даже спустя столько лет я реагирую на него. Я откликаюсь... Тут же. Мгновенно. Безоговорочно. Преодолевая странное желание склонить перед Китом голову, заставляю себя смотреть на него прямо.

Он... возмужал. И стал еще более притягательным. На нем шикарный черный костюм, поверх которого накинуто стильное пальто цвета сепии. Ботинки ручной работы... Дорогущие часы на запястье. И если бы не жесткая линия подбородка и плотно сжатые губы, его прямо сейчас можно было бы фотографировать на обложку GQ.

Знаете, Кит своим внешним видом рушит все стереотипы о программах. Он... другой. Парень из высшей лиги. И всегда таким был. Это глупо. Так глупо, господи! Но я до сих пор чуть-чуть горжусь им. Несмотря ни на что.

Сглатываю. Стараясь, чтобы мой голос не дрожал, обращаюсь к сыну:

- Я не могла до тебя дозвониться. И очень волновалась.

Женька хлопает себя по лбу, стаскивает с плеча рюкзак и под моим удивленным взглядом плюхается на пол, прежде чем вывалить его содержимое.

- Может, ты сначала разуешься? - пожевав губу, спрашиваю я. А Женька, отмахнувшись от моих слов, таки находит среди вываленного барахла свой айфон и, покачав головой из стороны в сторону, будто и сам не мог поверить, что такое случилось, корчит полную раскаяния моську:

- Прости, мам! Я после школы забыл включить звук.

- Постарайся не забывать, я... правда места себе не находила.

Женька кивает головой и оглядывается на Кита. А тот, не отрываясь, смотрит на меня.

- Ну, мы, наверное, пойдем уже, - спасает ситуацию Лена. Я, радуясь возможности отвлечься, киваю помощнице, провожу короткий инструктаж по поводу завтрашнего дня и подаю куртку сначала ей, а потом и Лёшке. Пропуская их к двери, Кит отступает. И я понимаю, как сглупила, до сих пор не пригласив его войти. Или хотя бы разуться... Он так и стоит обутый и в пальто. Снежинки в его темных волосах тают, и от этой влаги его идеально подстриженные волосы начинают чуть виться. Запоздало вспоминаю об обязанностях хозяйки дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/reznik_yuliya/nikommu-ne-skazhem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)